

СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫЕ ДЕТИ

В.В. Дегтярников,
заведующий отделом
информационно-просветительской
деятельности Мемориального
музея-заповедника истории
политических репрессий «Пермь-36», Пермь
plevna1579@gmail.com

С.А. Шевырин,
канд. ист. наук,
заведующий научно-методическим отделом,
Мемориального музея-заповедника
истории политических репрессий
«Пермь-36», Пермь
shewirin@mail.ru

Аннотация. Рассматривается особый исторический источник – фотоальбом. Этот фотоальбом рассказывает нам о детской трудовой колонии времен ГУЛАГа. Визуальные данные, подкрепленные и уточненные архивными документами, открывают нам, долгое время, засекреченный мир детских колоний ГУЛАГа – труд и быт подростков и совсем еще детей.

Ключевые слова: ГУЛАГ, детская колония, социально опасный, Кунгур, труд, заключение.

SOCIALLY DANGEROUS CHILDREN

Vyacheslav Degtyannikov,
Head of the Department of Information and Educational Activities
Memorial Museum-Reserve of the History
of Political Repression "Perm-36", Perm
plevna1579@gmail.com

Sergey Shevyrin,
Ph. D., Head of the Scientific and Methodological Department,
Memorial Museum-Reserve "Perm-36", Perm
shewirin@mail.ru

Abstract. The article considers a special historical source – a photo album. This photo album tells us about the GULAG – era children's labor colony. Visual data, supported and refined by archival documents, reveal to us, for a long time, the secret world of the GULAG children's colonies – the work and life of teenagers and very young children.

Keywords: GULAG, children's colony, socially dangerous, Kungur, labor, imprisonment.

Летом 2020 г. частный коллекционер Михаил Кориненко передал в фонды мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36» электронную копию фотоальбома Кунгурской трудовой колонии № 1 Управления НКВД по Молотовской области (рис. 1).

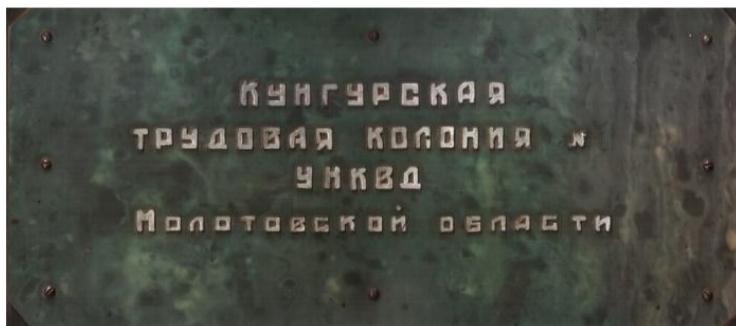

Рис. 1. Обложка альбома

Колония, в которой содержались «малолетние преступники», располагалась некогда на территории бывшего Иоанно-Предтеченского женского монастыря [1]. Фотографии из этого альбома публикуются впервые.

Создавать подобные альбомы было весьма популярным занятием у сотрудников НКВД. Фотосессии, как сказали бы сейчас, естественно, были постановочные. Фотограф должен был запечатлеть счастливые лица уверенно вставших на нелегкий и, порой, тернистый путь исправления заключенных. В данном случае – за-

ключенных детей. Многим из них только – только исполнилось 10–12 лет. Карточки и пояснительные записи к ним из нашего альбома подтверждают этот факт. Как, например, фотография занятий в 5 «а» классе (рис. 2).

Рис. 2. Школа, 5 «а» класс

И это не единственное свидетельство, которое нам предоставляет альбом. На одной из страниц альбома – фотография некоего Карпова-Воробьева. Надпись на обороте гласит: «На память Ю.П. Бельскому от Г. Карпова-Воробьева. Пенза. Музыкальное училище. I курс. 14.III.52 года». При помощи сотрудников Пензенского музыкального колледжа им. Александра Архангельского нам удалось установить, что Карпова-Воробьева звали Геннадий, и он успешно окончил музыкальное училище по классу валторны 28 июня 1955 г. (рис. 3).

Рис. 3. Г. Карпов-Воробьев

На фотографии духового оркестра Кунгурской детской колонии во втором ряду хорошо видно смуглого юношу, который как раз играет на валторне. И если сравнить фотографию учащегося I курса Пензенского музыкального училища и этого смуглого юноши, можно сделать вывод, что это один и тот же человек. На фотографии из колонии ему 11–12 лет, на фотографии из Пензы ему 15–16 лет, именно в этом возрасте принимают в музыкальное училище. Можно предположить, что альбом принадлежал Ю.П. Бельскому, который и вклеил в него в 1952 г. фотографию, присланную другом детства Геннадием Карповым-Воробьевым (рис. 4).

Рис. 4. Духовой оркестр

Снимок руководства трудовой колонии, вышеизложенные факты и акты прокурорской проверки позволяют установить предположительный период, когда были сделаны эти снимки для альбома. На кителе офицеров НКВД мы видим погоны, они появились в Советской армии после реформы, в начале 1943 г. соответственно фотографии были сделаны после этого периода.

Еще одно попутное открытие, которое удалось сделать в процессе работы по изучению альбома на основании этой же фотографии. Человек без погон, он на фото крайний слева – это Илларион Прокопьевич Бондюгов. Он в дальнейшем станет начальником детской колонии в Кунгуре, а затем, в 1962–1963 гг., будет

начальником колонии «Пермь-36». Сейчас мы готовим поездку в семью Бондюгова, очень надеемся, что она позволит нам установить еще ряд фамилий (рис. 5).

Рис. 5. Руководство трудколони

Известно, что в ноябре 1945 г. в Трудовой колонии № 1 Управления НКВД по Молотовской области началась прокурорская проверка. После ее окончания вышло специальное постановление Бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 11 декабря 1945 г. «О серьезных недостатках в работе Кунгурской трудовой колонии УНКВД». Прежнее руководство колонии уволили [2, ф. 105, оп. 12, д. 161, л. 3–4]. Назначили нового начальника – товарища Орлова, при этом в документах особо отмечается, что он имеет опыт педагогической работы. Сменили и название колонии, в него добавили слово «воспитательная». Далее в справке, направленной в обком ВКП(б), говорится, что только новое руководство организовало производственное обучение, создало самодеятельные кружки – духовой оркестр, акробатический, баянистов. Все эти нововведения мы и видим на снимках. Соответственно альбом снимали после осени 1945 г., но не позднее 1952 г., так как в это время Геннадий Карпов-Воробьев уже учился в Пензенском музыкальном училище.

Запрос прокуратуры СССР «О содержании в лагерях и исправительно-трудовых колониях несовершеннолетних заключенных» от 03.01.1945 г. и ответ на него прокурора Молотовской области дают представления об условиях содержания детей в Кунгурской колонии во время войны: «В большинстве случаев несовершеннолетние обуты и одеты в бушлаты взрослых. Обувь и одежда не первого сезона носки, вся реставрированная, поэтому не имеет хорошего вида, так как грязная, заношенная. ... Аналогичное положение и с питанием. Наряды на мясо, рыбу, масло, сахар ГУ-ЛАГом высланы с опозданием, ... поэтому не представляется возможным своевременно получить продукты. Поэтому производится замена одних продуктов другими... В результате калорийность не выдерживается» [3, ф. Р-1366, оп. 1, д. 653, л. 17]. Сохранилось и меню Кунгурской трудколони № 1 за ноябрь 1945 г., одинаковое для нескольких недель: «завтрак: суп из крупы и крапивы; обед: суп из крупы и крапивы, омлет; ужин: суп из крупы, чай». Кроме того, контрольное взвешивание обнаружило недовес в хлебной пайке и полное отсутствие овощей [3, ф. Р-1366, оп. 1, д. 633, л. 23, 72–73].

Известно, что к началу войны в Кунгурской детской колонии содержалось 1717 детей, на 500 человек больше, чем позволяли вместить лагерные бараки [4, ф. Р-9414, оп. 1с., д. 3117, л. 123]. В документах НКВД встречается такое понятие, как «лимит наполнения лагеря», это значит – количество нар, одежды и питания. В годы массовых репрессий, 1937–1938, количество заключенных резко возросло, «лимит наполнения», как и нашем случае, был значительно превышен. То есть по факту 500 детей Кунгурской колонии не имели индивидуального спального места.

Однако вернемся к фотоальбому, в нем мы находим и несколько фамилий «социально опасных детей», содержавшихся в колонии. Например, на этих фотографиях запечатлены акробатические этюды в исполнении воспитанников коллектива № 2 Коваленко и Сафронова. Вдали, сразу за участниками этюда, хорошо просматривается колючая проволока, которая по периметру окружала всю детскую зону с двумя жилыми бараками и производственными помещениями (рис. 6).

Рис. 6. Акробатический этюд

Еще на ряде фотографий мы также видим внушительные заборы, окружающие «детскую» и «производственную» зону. Надо сказать, что в данном случае «коллективами» назывались отряды, в которых находились малолетние заключенные, каждый из отрядов располагался в отдельном жилом бараке. Спали дети на двухъярусных деревянных нарах. Нары эти можно увидеть и в нашем альбоме на фотографии красного уголка коллектива № 1 в левом углу снимка. Для постановочной фотографии их стыдливо прикрыли пестрой занавеской (рис. 7). Акты прокурорских проверок, которые пройдут здесь в 1945 г., зафиксируют факт, что дети в Кунгурской колонии были размещены в двух бараках с 4-хместными нарами «вагонной системы» [3, ф. Р-1366, оп. 1, д. 633, л. 72].

Объектив камеры запечатлел и суровые лица подростков, разбирающих на товарищеском суде недостойное поведение солдагерника. Надпись на странице альбома сообщает, что мы наблюдаем заседание конфликтной комиссии в коллективе № 1 (рис. 8).

В альбоме зафиксирована и практика использования детского труда на тяжелых производствах. Мы видим кадры работавшей на детской зоне лесопилки. Запечатлен и подросток в рабочей робе в машинном отделении генератора электростанции. Сохранившиеся документы позволяют утверждать, что детский труд использовали и на лесоповале. У детской колонии была своя лесосека [4, Р-9414, оп. 1а, д. 1219, л. 3–4]. Также известно, что в Кунгурской колонии был свой кожевенный завод, обувная фабрика, баянный и трикотажный цеха, две сельскохозяйственные фермы в пригороде [3].

Рис. 7. Уголок коллектива №1

Рис. 8. Заседание конфликтной комиссии

Рис. 9. Лесопильный цех и машинное отделение

В Кунгурской детской колонии одновременно содержались дети обоих полов. На фотографиях мы видим и мальчиков, и дево-

чек. Документы также подтверждают этот факт: в 1934 г. здесь находились 800 «воспитанников» – так называли заключенных трудовой колонии, из них 210 девочек (рис. 9, 10) [1].

Рис. 10. Цех

Фотографии альбома фиксируют и большое количество тяжелой техники, которую использовали в колонии, ее, естественно, дети в силу своего возраста обслуживать не могли. Из актов прокурорских проверок за июнь 1945 г. узнаем, что на производстве в качестве начальников цехов, мастеров и рабочих высокой квалификации работали взрослые заключенные, осужденные по 58-й статье. Этот факт, по мнению прокурора, крайне вредно сказывался на подрастающем поколении [3, ф. Р-1366, оп. 1, д. 633, л. 71]. Информация дошла до заместителя министра внутренних дел СССР товарища Обручникова. Последний своим приказом разрешил работать взрослым заключенным, осужденным по 58-й статье в детской колонии города Кунгура [3, ф. Р-1366, оп. 1, д. 634, л. 20].

Начиная с 1930 г. большую часть «воспитанников» колонии составляли так называемые «социально опасные дети». То есть дети, родители которых репрессированы за контрреволюционную деятельность органами НКВД [2, ф. 643/2, оп. 1, д. 26867, л. 78]. За такими детьми велось особое наблюдение, и за малейшие провинности на них заводили уголовные дела. Так, в 1938 г. нескольких воспитанников Кунгурской колонии обвинили в «террористических намерениях». Далее цитата: «...ночью собирались, вели

разговоры о тайге, о прочитанных книгах, о возможности построения гиперboloида системы инженера Гарина, ... при помощи которого можно бы было уничтожить работников НКВД» [2, ф. 641/1, оп. 1, д. 4772, л. 8об.].

В начале 1940 г. при колонии было организовано отделение для содержания осужденных несовершеннолетних за опоздания на учебу или работу².

История ГУЛАГа и его составляющей – детских трудовых колоний – долгое время оставалась засекреченной. Открытие архивов, включающих и такие фотоальбомы, позволяет начать исследование этих проблем.

Список источников

1. Журнал «На верном пути» Кунгурской трудовой коммуны Управления НКВД по Свердловской области за 1934 г. // ГАРФ. Научная библиотека. 040775.

2. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 4772. Л.8об.

3. Государственный архив Пермского края (ГАПК).

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

² Указы от 26 июня «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий, и учреждений», 10 июля «Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство», 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)».